

Психолингвистика

© 1998 г. Т.Н. Ушакова, В.А. Цепцов, К.И. Алексеев

ИНТЕНТ-АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ*

Описывается новый подход к выявлению психологического содержания текста. Он состоит в экспертном оценивании целевой, или интенциональной, направленности, выраженной в элементах рассматриваемого текста. Представлена разработка технических приемов метода интент-анализа. На основе анализа материалов современных политических дискуссий (выступлений претендентов на пост президента РФ в 1996 г.) описан круг выявленных авторских интенций и их особенности. Обсуждается значение интенциональных актов в функционировании речезыкового механизма.

Ключевые слова: психологическое содержание текста, интенциональные направленности в речи, метод интент-анализа.

"Глаза – зеркало души человека" – подметила народная мудрость. Речь имеет больше оснований считаться зеркалом души, а точнее – психики человека. В речи находит отражение внутренний мир говорящего – содержание его мыслей, восприятия, знания, эмоции, оценки, отношения к людям, событиям, многое другое. Изучая проявление психики в речи, наука ввела в свой обиход такие понятия, как значение, смысл, психологическое содержание речевого продукта, текста, дискурса. Они используются в различных областях знаний: семиотике, семантике, психосемантике, теории информации, герменевтике, философии языка. Круг проблем, разрабатываемых с позиций этих наук, широк. Нас же интересует психологический аспект проблемы выражения в речи "внутренних" – личностных и когнитивных – состояний и процессов. Возникающие в связи с этим фундаментальные проблемы включают, по нашему мнению, следующие вопросы:

– Каковы существенные черты психологического состояния говорящего, которые находят отражение в его речи?

– Каким образом для выражения разнообразных меняющихся субъективных состояний (впечатлений, мыслей, эмоций) человек использует язык, представляющий собой объективную и статическую сущность?

– Какие стороны речевого механизма являются первостепенно важными для говорящего, чтобы выразить эти состояния?

– Каковы условия, ограничивающие способность говорящего адекватно и полно вербализовать свои субъективные состояния?

– Каковы условия, ограничивающие способность слушающего адекватно и полно понимать говорящего?

Не все названные вопросы будут рассматриваться в данной статье, имеющей свой специальный и относительно ограниченный предмет обсуждения. Читатель, инте-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (коды проектов: № 95-06-17491 и № 98-06-08073).

ресующийся более общими позициями авторов, найдет их изложение в других наших публикациях [9, 10]. Здесь же мы остановимся в первую очередь на тех сторонах проблемы, которые имеют непосредственное отношение к проведенному эмпирическому исследованию.

Согласно развиваемому нами подходу, самым общим "корнем" и непосредственным побудительным моментом человеческой речи является особая реактивная функция мозга, состоящая в "экстериоризации" возникающих активностей, что проявляется в тенденции психики выводить вовне, экстериоризировать, воспринятые субъектом впечатления. Это явление хорошо прослеживается в речевом онтогенезе, поскольку развитие речи есть усвоение языковых форм, "канализирующих" те или иные психические состояния ребенка, первоначально элементарные и немногочисленные [10]. У взрослых людей идущий изнутри импульс сохраняет свое значение для осуществления речи, приобретая обычно черты произвольного и целенаправленного действия. Во всех случаях порождения речи действует некоторый общий энергетический вектор: от психического состояния к речезыковым формам. Для его обозначения удобно пользоваться терминами "интенциональная направленность", "намерение", "интенция". По нашему мнению, проявляемые говорящим субъектом интенции составляют глубинное психологическое содержание его речи. При общении понимание говорящего часто связано с восприятием именно интенционального основания речи. Интенциональность нередко совпадает с целевой направленностью говорящего, что связано с социальной функцией речи, речевым взаимодействием с окружающими и воздействием на них.

Наш подход объединяет две содержательные линии: а) характеристику интенциональной направленности сознания человека и б) ее проявление в процессе речи. Каждая из этих линий оказалась в поле внимания исследователей.

Тема интенции широко обсуждалась в научных кругах еще в прошлом веке. В своей работе (1874 г.) Ф. Brentano в основу системы психологии положил учение об интенциональных актах сознания (см. [11, с. 226–229]). Глубокая разработка этой темы дана Э. Гуссерлем, поставившим понятие интенции в центр своей теории и рассмотревшим конкретные формы интенциональных направленностей сознания [1]. По мнению В.В. Петрова, проблема интенциональности, будучи центральной в феноменологии, имеет также прямое отношение к происхождению и эволюции языка, его денотативным и коннотативным функциям [7, с. 11]. Действительно, эта тема заняла значительное место в лингвистике. Теория речевых актов (Дж. Серль и др.) использует интенциональность речи как одно из основных понятий [8].

Для характеристики интенциональной (целевой) направленности речевых высказываний лингвисты опираются на конкретные языковые формы, используемые говорящим (например: "Я завещаю", "Я обвиняю" и т.п.). В то же время широко распространено явление, когда интенциональная направленность говорящего не имеет конкретного и однозначного речезыкового выражения, а значение используемых форм общо и "размыто". Существуют ситуации, когда одно и то же высказывание может выражать совершенно различные интенции. Интенциональные речезыковые формы часто оказываются неконкретными, "непривязанными" к реальным объектам или действиям. Понимание и использование подобных условных форм – это та сторона владения языком, которой субъект обучается в ходе жизни. Вместе с тем "размытость" значения и смутность понимания используемого речевого материала, видимо, остается чертой, присущей интенциональным высказываниям. Неполное понимание говорящего, ложное толкование его слов, по-видимому, достаточно обыденное и распространенное явление жизни.

В связи со сказанным понятно значение адекватного метода выявления интенционального содержания в речи субъекта. Рассмотрим существующие в психологии разработки анализа текстов.

Начало психологического исследования текстов в нашей стране положено Н.И. Жинкиным, развившим идею внутреннего строения текста и предложившим пре-

дикатный метод его анализа [3]. По его мнению, в каждом тексте существует предмет описания, воспринятый из действительности. Он описывается с помощью системы предикатов, последовательно раскрывающих признаки данного предмета. Предикаты выстраиваются в иерархическом порядке, характеризуя главные, дополнительные и дополнительные к дополнительным признаки.

Предикатный анализ дополнен так называемым "денотатным" анализом. Автор одного из вариантов последнего А.И. Новиков отмечает, что субъектно-предикатные конструкции отражают скорее логическую структуру текста, нежели его конкретные смысл и содержание. В этой связи предлагается отражать содержание текста через структуру денотатов, т.е. обозначаемых объектов [5]. Эта структура представлена в виде схемы, графа или сети.

И.Ф. Неволин выделяет в "смысловых зонах" текста несколько уровней: объектный (соответствующий объектам действительности, содержащий фактографическую информацию) и метауровни (включающие теоретическую информацию, анализирующие, оценочные, эмоциональные и другие суждения). Наглядное (в виде диаграмм) представление соответствующей информации позволяет видеть иерархическое строение смыслов произведения, проследить ход мыслей автора в тексте [4].

Направленность упомянутых подходов – выявить характеристику структуры мыслительных процессов, связанных с порождением и пониманием письменных текстов "нейтрального характера". Эти разработки оказываются, однако, недостаточно полными: за пределами остается личность говорящего и его взаимоотношения с окружающими.

Т.М. Дридзе предложила подход к анализу текста ("текстовой деятельности") с ориентацией на проблемы социологии, подчеркнув в нем значение мотивационной составляющей. Ею разработан информационно-целевой (мотивационно-целевой) подход, опирающийся на идею Н.И. Жинкина о иерархии предикатов в тексте [2]. Предложена схема анализа текста. Первый шаг состоит в выявлении цели сообщения (замысла автора), что квалифицируется как предикация 1-го порядка; предикация 2-го порядка – выявление основных элементов общего содержания; предикации 3-го (4-го) порядка – элементы общего содержания.

В современных зарубежных подходах к психологическому анализу текста существуют разработки, где речь рассматривается не только в логико-семантическом плане, но и во включенности в жизненную ситуацию (M. Argyle, R. Harre, J. Potter и др.).

Основная задача нашего исследования – разработка психологического метода, позволяющего характеризовать специально интенциональную направленность речи. Мы полагаем, что на сегодняшний день такой метод должен содержать элемент субъективного оценивания интенций говорящего исследователем. Понятность для слушающих интенций говорящего является целью последнего, поэтому он использует такие известные ему языковые средства, которые, как он полагает, дадут желаемый результат: его поймут. Экспертное выявление и идентификация речевых интенций позволяет очертить их круг в текстах разной тематики и направленности, т.е. качественно охарактеризовать. На этой основе возможна также их количественная оценка. В то же время мы сознавали, что понятость выражаемых в тексте интенций не может быть абсолютной. Поэтому наша исследовательская задача включала оценку степени "размытости" их понимания.

Подход к исследованию интенциональной направленности речи по его общему смыслу мы оцениваем как психосемантический. Сегодня психосемантика использует данные, основанные на субъективной оценке респондентами предлагаемых объектов в соответствии с задаваемыми критериями [6]. Этот момент субъективного семантического оценивания не совпадает с господствующей в настоящее время объективистской парадигмой в психологии, однако, несомненно, доказал свое право на существование в науке. Он оказывается созвучным голосам, все настоятельнее призывающим обращаться к исследованию именно субъективных психологических феноменов.

Отличие разрабатываемого в нашем коллективе подхода от принятого в классической психосемантике мы видим в том, что оценивание интенций производится не приглашаемыми респондентами, а самими исследователями; при этом используется естественный речевой материал и жизненные критерии его оценивания.

МЕТОДИКА

Задача проводимого анализа состояла в выявлении и идентификации выражаемых в рассматриваемом тексте намерений и целей автора. Такое выявление и идентификация производились группой квалифицированных экспертов (3 чел.), имеющих опыт работы с текстами. Экспертами были авторы данной публикации, сотрудники Лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН.

Анализировались политические тексты, опубликованные в средствах массовой информации в период предвыборных кампаний кандидатов на пост президента РФ в 1996 г. (Выборы состоялись в июне 1996 г.) Материал предвыборных выступлений кандидатов представляет интерес по ряду оснований. Он обладает определенной уникальностью, поскольку содержит своего рода стартовую точку устремлений автора текста, выдвигающего свою кандидатуру на пост главы государства. Данная позиция, с одной стороны, создает общее условие для всех авторов, а с другой – обнаруживает их индивидуальные подходы к решению проблемы достижения понимания и успеха.

Тексты выступлений кандидатов на президентский пост – опытных профессионалов в области политики – можно рассматривать в определенной степени как образцы дискурсивных воздействий. Используемые при создании текстов приемы, выделенные нами в результате анализа и описанные в обобщенной форме, могут быть учтены авторами в их практических действиях.

Проведен анализ следующих публикаций:

- Гайдар Е.Т.* Президент ответил мне письмом // Московские новости. 1996. 11–17 февраля.
Горбачев М.С. Моя программа не будет состоять из несбыточных обещаний // Московские новости. 1996. 18–24 февраля.
Ельцин Б.Н. Каждая строчка в списках убитых и раненых – это моя неутраченная боль // Комсомольская правда. 1996. 30 марта.
Зюганов Г.А. Справедливость, безопасность, независимость // Советская Россия. 1996. 17 февраля.
Лебедь А.И. Игры на крови // Независимая газета. 1996. 3 апреля.
Лужков Ю.М. Власть должна служить // Московские новости. 1996. 7–14 апреля.
Федоров Б. Игольное ушко предвыборных обещаний // Московская правда. 1996. 13 марта.
Федоров С.Н. Я – поумневший баран // Невское время. 1996. 30 марта.
Явлинский Г.А. "Яблоко" собирает коалицию // Московские новости. 1996. 28 января – 3 февраля.
Явлинский Г.А. Ельцин плюс Зюганов, третьего не дано? // Невское время. 1996. 3 апреля.

Не все выделенные интенции авторов текстов поддаются однозначной интерпретации. Интенции часто (скорее обычно) выражаются в косвенной форме, количественная характеристика их представленности зависит от многих обстоятельств, в том числе от того, на какие единицы разделяется анализируемый текст. Как показал полученный материал, некоторые типы интенций смешиваются между собой. Общая задача проводимого анализа состояла в выработке некоторых принципов, "рамок", позволяющих делать получаемые характеристики более стабильными и согласованными.

Чтобы успешно решить эту задачу, эксперты следовали нескольким правилам.

– Для более точной "привязки" интенциональных характеристик к тексту абзац условно считался приравненным к "единице анализа". Если интенция, выраженная в первом предложении, повторялась и в последующих, она фиксировалась лишь один раз. В то же время в одном абзаце могло быть заключено несколько разнородных интенций, и тогда все они должны быть идентифицированы и названы.

– Для эксперта, даже опытного, определенная трудность заключена в точной качественной характеристике интенции (например, содержится ли в словах автора интенция обвинения противника или его разоблачения, самопрезентации или анализа ситуации). В целях преодоления данной трудности был разработан словарь, где сформулированы различия в используемых

терминах. "Примеривание" готовой терминологии к анализируемому материалу оказывается более простой работой, чем поиск экспертом характеристики интенции лишь на основе своего чувства языка.

— Экспертная группа осуществляла анализ в два этапа. На первом проводилась независимая обработка материалов. На втором эти материалы обсуждались с другими членами группы: допускались коррекции и изменение мнений экспертов на основе предложений остальных членов группы. В результате производились пометки о согласованности или различии мнений. Интенция, одинаково идентифицированная всеми тремя экспертами, получала значок "три звездочки" (***), двумя экспертами при несогласии третьего — "две звездочки" (**), одним экспертом — "одна звездочка" (*). Данная операция помогла обнаружить некоторые особенности проявляемых интенций, а также самих анализируемых текстов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

По материалам всех 10 исследованных текстов выделен довольно широкий круг разнокачественных интенций. Их общее число в наших материалах составило 27:

1. *Анализ*. Рассмотрение, разбор темы, ситуации, не предполагающий выражение отношения к действующим лицам и самому говорящему.
2. *Анализ (+)*. Основанное на фактах рассмотрение, разбор темы, ситуации, предполагающий выражение положительного отношения к действующим лицам.
3. *Анализ (-)*. Основанное на фактах рассмотрение, разбор темы, ситуации, предполагающий выражение отрицательного отношения к действующим лицам.
4. *Безличное обвинение*. Обвинение (см. п. 11), при котором виновники осуждаемых действий или поступков не указываются.
5. *Безличное разоблачение*. Разоблачение (см. п. 21), при котором его объект(ы) не называется, т.е. не указывается лицо (лица), чьи злоупотребления, тайные замыслы и т.п. становятся предметом открытого обсуждения и осуждения.
6. *Дискредитация*. Приведение фактов и аргументов, подрывающих доверие к кому-либо или чему-либо, умаляющих чей-нибудь авторитет.
7. *Информация*. Приведение точных данных и фактов.
8. *Кооперация*. Выражение отношения, направленного на привлечение к участию в совместных действиях или разделении позиций.
9. *Критика*. Отрицательное суждение о человеке (людях) и его (их) действиях и поступках.
10. *Неявная самопрезентация*. Самопрезентация (см. п. 25), выражаемая косвенно, без прямого указания на объект позитивного оценивания.
11. *Обвинение*. Приписывание кому-нибудь какой-либо вины, признание виновным в чем-либо.
12. *Отвод критики*. Отрицание негативных суждений о человеке (людях) и/или его (их) действиях и поступках.
13. *Отвод обвинений*. Отрицание приписываемой кому-нибудь какой-либо вины.
14. *Отказ в просьбе*. Отрицание возможности выполнения просьбы.
15. *Оценивание (+)*. Положительное суждение о человеке (людях) и его (их) действиях и поступках.
16. *Побуждение*. Призыв к какому-либо действию, принятию точки зрения.
17. *Предупреждение*. Предостережение, предвещающее извещение о возможных событиях, действиях, ситуациях и т.п.
18. *Презентация*. Представление кого-либо или чего-либо в привлекательном виде.
19. *Противостояние*. Обнаружение противоположной позиции, непримиримого несогласия.
20. *Размежевание*. Выявление различий и несходства в позициях и мнениях.
21. *Разоблачение*. Обнаружение чьих-либо неблагоприятных действий, намерений, отрицательных качеств.
22. *Самокритика*. Критика (см. п. 9), направленная на самого говорящего.
23. *Самооправдывание*. Приведение аргументов и/или фактов с целью доказать свою невиновность.
24. *Самоохранение (осторожность)*. Выражение неопределенного отношения к разбираемой теме, ситуации и ее действующим лицам.
25. *Самопрезентация*. Представление себя говорящим в привлекательном, выгодном свете.

Образец первичной обработки протокола анализа текста с учетом степени согласия экспертов

Идентификация интенции	Степень согласия		
	***	**	*
Самопрезентация	11		
Анализ	7		
Осторожность	6		
Самооправдывание	5	1	
Критика	2		1
Уход от ответа	2		1
Размежевание	1	1	
Кооперация	1	1	1
Предупреждение	1		
Разоблачение	1		
Точный ответ			1
Всего	37	3	4

26. *Угроза.* Запугивание, обещание причинить кому-нибудь неприятность, зло.

27. *Успокоение аудитории.* Приведение аргументов и/или фактов с целью успокоить аудиторию.

Как отмечалось выше, идентификация экспертами той или иной интенции в анализируемом тексте оказывалась не всегда однозначной. Участники нашей экспертной группы нередко расходились в суждениях, особенно на начальных этапах работы. Поэтому был введен прием маркирования степени согласия экспертов; *** – при общем согласии; ** – при несогласии одного из экспертов; * – особое мнение одного эксперта. В табл. 1 приведен результат первичной обработки протокола анализа одного из исследованных текстов, отражающий степень согласия экспертов.

Маркирование степени согласия экспертов позволило выявить интенции, стабильно идентифицируемые и нестабильные, "перепутывающиеся" с другими. По материалам исследованных текстов количество стабильных интенций составило 21, нестабильных – 7. Рис. 1 в условной форме представляет поле взаимодействий выявленных интенций.

Неясность различения ряда интенций была рассмотрена нами как фактор, вносящий "шум" в анализируемые данные, что было учтено при обобщении и количественном представлении результатов. Знание такого рода "зон неясности" может быть полезным в методическом плане для специалистов, проводящих интенц-анализ. В теоретическом плане мы полагаем, что фактор "*размытость интенций*" является важной особенностью функционирования языка в целом и связан с его глубинной природой. Интенции субъекта в обыденной жизни далеко не всегда четко выражены в его речи. Надо быть мастером слова, чтобы оперировать языком с большой отчетливостью или, напротив, с намеренной туманностью. Проанализируем представленность интенций в исследованных нами текстах. Полученные результаты в обобщенном виде отражены в табл. 2. В ней представлены четыре интенциональные категории: "*мы*" (8 разнокачественных интенций, проявленных при обсуждении автором себя и своих сторонников); "*они*" (9 интенций, относящихся к оппонентам, противникам); "*третья сторона*" (5 интенций, адресованных аудитории); "*ситуация*" (5 интенций, направленных на обсуждение происходящих событий). Категория "*мы*" связана с позитивной психологической направленностью говорящего субъекта – одобрением, поддержкой, положительным оцениванием. Установка негативного

Таблица 2 (окончание)

Интенциональные категории	Интенции	Тексты индивидуальных выступлений						Тексты интервью				
		Б. Ельцин	Г. Зюганов	А. Лебедь	Б. Федоров	С. Федоров	Г. Явлинский	Е. Гайдар	М. Горбачев	Ю. Лужков	Г. Явлинский	Всего
"Они"	Дискредитация					4,3	8,3	2,3	5,8	6,5	7,8	12,6
	Критика				9,8	5,8	8,3	2,3				46,3
	Противостояние		1,3	3,2		8,7		9,4	4,1	5,2	10,8	6,8
	Размежевание		2,6			2,9				1,3		38,2
	Угроза	14,3										21,1
"Третья сторона"	Кооперация	5,4	1,3	3,2	8,7	8,7		2,3	5,0		10,8	45,4
	Успокоение аудитории	23,2										23,2
	Отказ в просьбе	5,4										5,4
	Побуждение	1,8			6,1		8,3					16,2
	Предупреждение	7,1			3,6		8,3	2,3	2,5	2,6	3,6	30,0
"Ситуация"	Анализ		30,2	29,0	18,3	13,0	16,7	9,4	17,3	29,9	18,1	181,9
	Анализ (+)				35,8			2,3				38,1
	Анализ (-)				10,6							10,6
	Оценивание (+)				11,0						1,8	23,5
	Информация	10,7						4,7	0,8			5,5

Рис. 1. Стабильно различаемые и "перепутывающиеся" интенции по материалам рассматриваемых текстов. Овалы (произвольной величины) – качественно различные интенции, их пересечение – возможность "перепутывания" данных интенций

характера отражена в отношении к оппонентам и противникам. Существуют также и категории "нейтральной" направленности ("третья сторона", "ситуация").

Приведены данные количественной представленности интенций во всех рассмотренных текстах – по материалам индивидуальных выступлений и интервью (фамилии авторов расположены в алфавитном порядке). Материалы таблицы являются результатом двухступенчатой обработки первично полученных данных.

Во-первых, в обработке данных был учтен фактор разной степени совпадения мнений экспертов: те квалификации, которые получили общее согласие, умножались на "3"; получившие согласие двух экспертов умножались на "2"; отдельные суждения фиксировались без изменения. Так, данные первичной обработки, представленные в виде отдельного примера в табл. 1, перерабатывались следующим образом: числа второй колонки утраивались, третьей – удваивались, а четвертой оставались без изменения. Такая обработка означает, что в конечных результатах табл. 2 представлены все суждения каждого эксперта.

Во-вторых, абсолютный показатель количества интенций переводился в относительный, поэтому вычислялось отношение количества подсчитанных случаев к общему объему текста. Это объясняется тем, что для сравнения разных текстов абсолютное значение количества выявляемых интенций неинформативно. Абсолютное значение прямо зависит от объема анализируемого текста: чем длиннее текст, тем больше в нем интенций. Поэтому в нашем случае, когда решалась задача – сравнить выраженность интенций в текстах разного объема, – необходимо было перейти к процентному показателю.

Рассмотрение последней колонки табл. 2 дает суммарные по всем текстам показатели выраженности интенций. Обнаруживается, что для каждой из выделенных категорий существует своего рода "корневая" интенция: именно она "эксплуатируется" наиболее часто в рамках избранной позитивной, негативной или нейтральной установки. Так, при обсуждении *себя* и *своих сторонников* чаще всего проявляется интенция позитивной самопрезентации. Обсуждение *оппонентов* и *противников* связано с подчеркнутым проявлением интенции обвинения. На *"третью сторону"* обыч-

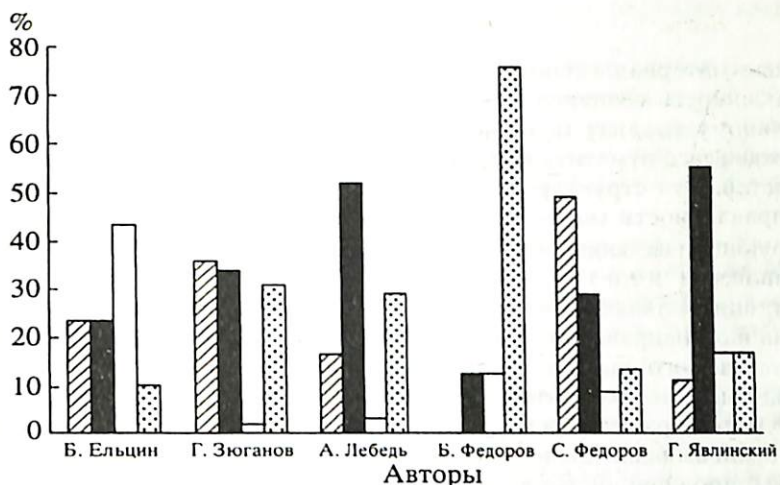

Рис. 2. Индивидуальные варианты интенциональных паттернов. По оси ординат – показатель количественной представленности в анализируемом тексте интенций данной категории; по оси абсцисс – фамилии авторов анализируемых текстов. Столбцы обозначают представленность интенций разных категорий в анализируемых текстах: заштрихованный – "мы", темный – "они", светлый – "третья сторона", точечный – "ситуация"

но направлена кооперативная интенция. Для обсуждения *ситуации* характерна нейтральная аналитическая позиция.

На фоне указанных общих тенденций обнаруживаются индивидуальные особенности интенциональных установок авторов рассмотренных текстов.

Представленность интенций оказывается различной у разных авторов. Например, в тексте С. Федорова первое место по частоте проявления заняла интенция "Самопрезентация", в тексте Г. Явлинского – "Разоблачение", А. Лебеда – "Обвинение". Индивидуальные черты прослеживаются также по количественным показателям выраженности интенций. В отдельных текстах обнаруживается разнообразие проявленных интенций, общее их количество достигает 12, в других текстах они более однообразны (в наименьшем варианте их 8–9). Количественный показатель соотношения частоты использования различных интенций также различен у разных авторов. В этой связи возникает возможность характеризовать индивидуальные варианты интенциональных паттернов авторов текстов. Общий смысл и содержание этих паттернов состоит в том, что они отражают интенциональные установки и темы, реализованные автором текста при его создании. Такого рода интенциональные паттерны, выраженные в исследованных материалах индивидуальных выступлений, представлены на рис. 2 (6 текстов). Материалы интервью не включены в анализ, поскольку обсуждаемые темы во многом зависят от инициативы интервьюера.

По данным рис. 2 видно, что интенциональные паттерны всех авторов текстов индивидуальны. В то же время по имеющимся в нашем распоряжении материалам нельзя выявить какую бы то ни было типологию. Почти все паттерны имеют ту или иную акцентуацию. В тексте Б. Ельцина больше, чем у всех других авторов, выражена направленность на аудиторию ("третью сторону"). Текст Г. Зюганова отличается взвешенностью и соразмерностью основных интенций. В текстах А. Лебеда и Г. Явлинского акцентуирована отрицательная направленность на противника, Б. Федорова – на анализ ситуации, С. Федорова – на самопрезентацию. По-видимому, требуется накопление значительного материала интент-анализа для выработки представлений о типах паттернов, адекватных характеру человека, обсуждаемой ситуации или другим моментам коммуникации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные материалы дают, с нашей точки зрения, возможность проанализировать особенности сознания человека, продуцировавшего текст, подвергшийся интенциональному анализу (в нашем случае — текст политического характера). Следует прежде всего отметить наличие определенной структуры интенциональных направленностей. Эта структура иерархична: выявляются обобщенные интенциональные направленности (*на себя, противника, "третью сторону", ситуацию*) и конкретизирующие их виды интенций ("похвалить себя", "отвести обвинение", "обвинить оппонента" и т.п.).

Такая интенциональная структура не универсальна, а скорее специфична для текстов различной направленности. Данное утверждение следует из сравнения результатов излагаемого здесь исследования и данных той работы, в которой был сделан первый шаг по использованию интен-анализа [9]. В предыдущем исследовании этот метод применялся к анализу текстов конфликтного характера. Такого рода тексты были избраны для изучения потому, что, согласно гипотезе, они имеют в своей основе упрощенный вариант интенциональной структуры, предполагают большую простоту ее исследования, что существенно на начальном этапе развития метода. По использованным данным интенциональная структура конфликтных текстов оказалась трехсоставной (так называемый "конфликтный треугольник"). Сознание говорящего в конфликтных условиях ограничивается тремя обобщенными объектами; сам говорящий со своими сторонниками при позитивных направленностях на них; его противники и оппоненты с негативными на них ориентациями; "третья сторона", аудитория, оцениваемая относительно нейтрально.

Исследование политических выступлений предвыборного характера обнаружило черты как сходства с конфликтными текстами, так и отличия от них. Сходство состоит в том, что и в предвыборных выступлениях присутствуют объекты конфликтного характера с теми же направленностями негативного, позитивного и нейтрального воздействия. Обнаруживается наряду с этим и своя специфика. Значительную долю высказываний в предвыборных текстах составляют элементы анализа, рассуждений, аргументирования ("4-й угол интенциональной структуры"). Введение подобных элементов делает текст более взвешенным и неконфликтным. В предвыборных выступлениях обращает на себя внимание и то, что количество выражаемых интенций существенно увеличивается, возрастает их разнообразие в рамках одного текста. Эти данные подтверждают возможность выработки достаточно строгих правил, позволяющих ораторам взвешивать и объективно оценивать степень остроты или сглаженности своих выступлений.

Вместе с тем полученные результаты ставят вопросы, относящиеся к особенностям интенциональной структуры дискурсов других типов: публицистических, литературно-художественных, научных. Можно предположить, что дальнейшее развитие представления о роли интенционального пласта в организации речевого продукта должно идти по этому направлению.

Проведенная работа расширила наши представления об интенциональной составляющей как элементе сознания человека в процессе речевого продуцирования. Так, в одной единице текста может содержаться несколько интенций, они как бы "слипаются" друг с другом. В то же время в каждой интенциональной категории выделяется наиболее часто повторяемая, "осевая" интенция: для категории "мы" — это самопрезентация, "они" — обвинение, "третьей стороны" — привлечение. Весьма характерным оказалось "размытое" проявление интенций, когда слушатель (эксперт) не способен уверенно идентифицировать заключенную в словах интенцию, она может быть отнесена к различным категориям. Это явление понимается двояко. Вероятно, говорящий субъект (даже опытный) в рассмотренной нами ситуации не всегда находит адекватные языковые средства для самовыражения, не может оценить, насколько точно он будет понят. Возможно и другое: неясность, "размытость" интенций созна-

тельно или бессознательно используется как прием, позволяющий говорящему завуалировать свою позицию.

Одним из существенных результатов стало развитие методической стороны интент-анализа. Здесь особенно важной оказалась групповая работа экспертов, которая не только делает аналитическое исследование более полным, надежным, но и позволяет достаточно широко освещать разные стороны текста. Имеется в виду, например, обнаружение "размытости" интенций в некоторых частях анализируемых материалов.

Полезным методическим нововведением стало определение формальных условий проведения оценок: установление "единиц анализа", неповторение интенциональных квалификаций в пределах этих единиц и др. Облегчающим приемом послужила разработка оперативного словаря интенций, проявляемых в текстах политического характера.

Используя метод интент-анализа, эксперты оценивают содержание текста в соответствии с выработанным умением распознавать языковые конвенции и "видеть" за текстом человека. По нашему мнению, разрабатываемый метод адекватен изучаемому объекту – речи человека, субъективному в своей основе феномену.

В результате проведенной работы мы приблизились к ответам на трудные теоретические вопросы, поставленные в начале статьи.

Существенным элементом психического состояния человека, которое находит отражение в его речи, является интенциональная направленность на вербализацию объектов, актуализируемых в сознании говорящего.

По нашему представлению, функции интенционального механизма состоят не только в "экстериоризации"; выведении вовне внутренних, психических, состояний субъекта. Интенциональные направленности могут играть роль механизма, классифицирующего и аккумулирующего речезыкового материала в соответствии с интенциональной категорией. Например, интенция угрозы вводит в употребление такие конвенциональные языковые формы, как: "Ты об этом пожалеешь!", "Смотри, будет хуже!", "Я тебе не прощу!" и т.п. Интенция самооправдания использует другой набор речезыковых форм: "Я не нарочно!", "Меня ввели в заблуждение", "Дело было в другом" и др. Хранение языкового материала в памяти говорящего в форме блоков, соответствующих характеру интенций, может рассматриваться как один из механизмов динамического оперирования статикой языка.

Способность говорящего вербализовать свои субъективные состояния хотя и велика, однако во многих случаях остается неоднозначной. Поэтому и понимание неизбежно оказывается неполным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуссерль Э. Лекции о внутреннем сознании времени. М., 1994.
2. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М., 1980.
3. Жинкин Н.И. Развитие письменной речи учащихся III–VII классов // Известия АПН РСФСР. 1955. № 78. С. 45–67.
4. Неволин И.Ф. О графическом изображении смысловой микроструктуры текста // Вопр. психологии. 1974. № 5. С. 48–54.
5. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983.
6. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. Смоленск, 1997.
7. Петров В.В. Язык и интеллект. М., 1995.
8. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 170–195.
9. Ушакова Т.Н., Латынов В.В., Павлова А.А., Павлова Н.Д. Ведение политических дискуссий: Психологический анализ конфликтных выступлений. М., 1995.
10. Ушакова Т.Н. Речь в структуре психики // Труды Института психологии РАН. М., 1995. Т. 1. С. 225–233.
11. Ярошевский М.Г. История психологии. М., 1985.